

Роль Дидимейского оракула в общественной жизни Милета в эллинистическое время

© Д.Б. Меркин

Институт всеобщей истории РАН, Москва, 119334, Россия

Рассмотрен материал из Милета в контексте проблемы, которая относительно давно стала дискуссионной в науке, а именно влияние оракулов на общественную и, в частности, политическую жизнь греческих полисов. Отмечено, что в большинстве случаев при анализе указанной проблемы основным объектом изучения становились сведения античных авторов, однако в настоящее время сформировался тренд на привлечение эпиграфических данных при рассмотрении этого вопроса. Исследованы надписи из Милета и Дидим эллинистической эпохи, в которых зафиксированы тексты оракулов или упоминания о них. Показано, что естественная выборка милетских и дидимейских надписей достаточно репрезентативна, чтобы обрисовать общую картину для этого полиса. Проанализированы оракулы по случаю дарования гражданства критским наемникам, заключения договора об исополитии между Милетом и Гераклеей на Латмосе, изменения культа Артемиды Булефоры Скириды, возведения алтаря Посейдона Сотера и ряд других текстов. Сделан вывод, что в Милете практика обращения к оракулу не была стандартной процедурой во внутренней политике и ее использовали исключительно в экстраординарных ситуациях, будь то острая политическая нужда или природный катаклизм. Отмечено, что тренд, который существовал в Милете, в целом согласуется с имеющейся статистикой запросов к оракулу, например, в святилище в Додоне.

Ключевые слова: оракул, Дидимы, Милет, Аполлон, Додона, греческая религия, античная демократия

Вопрос о влиянии оракулов на политическую жизнь греческих полисов вошел в научную дискуссию относительно давно. В качестве примера можно привести работы шведского филолога-классика и историка религии М. Нильссона, доказывавшего влияние Дельфийского оракула на политическое поведение граждан в первую очередь в Афинах [1, pp. 123, 124; 2, pp. 123–142]. Ему оппонировал известный американско-британский историк античности М. Финли, указывая на то, что мы практически не знаем случаев, когда Дельфийский оракул определял направление действий государства в отличие от римской практики, когда из-за гаданий могли откладываться или отменяться те или иные решения [3, pp. 93–96]. К вопросу неоднократно возвращались, и выводы во многом зависели от того, на какие источники опирается тот или иной исследователь, поскольку античная традиция и эпиграфический материал дают разную информацию [4–6].

Следует отметить, что по понятным причинам в большинстве существующих на данный момент работ основной акцент делается на святилище в Дельфах. В то же время при рассмотрении этого вопроса и другие примеры могут быть показательными, в частности святилище в Дидимах. Это святилище Аполлона было разрушено персами в ходе Ионийского восстания и лежало в руинах вплоть до эпохи эллинизма. С момента похода Александра Македонского на Восток и выхода Милета из сферы персидского влияния святилище начинает восстанавливаться, а возрожденный оракул возвращается в общественную жизнь этого полиса. Изучение истории Дидимейского святилища в отличие от Дельфийского прорицалища не может опереться на богатую литературную традицию, поскольку все упоминания о нем в произведениях античных авторов спорадичны и фрагментарны. Поэтому при изучении истории храма основной акцент исследователи делают на эпиграфических, археологических и отчасти нумизматических данных. Дидимейский оракул неоднократно становился объектом исследования историков и филологов-классиков, о чем свидетельствуют научные публикации по истории святилища и каталоги предсказаний [7–10]. Однако надо отметить, что влияние оракула на общественную жизнь в полисе и особенно на ее политический аспект пока что не становились предметом специального исследования. Отталкиваясь от предположения, что дидимейский материал может быть полезен для понимания влияния оракулов на общественную жизнь в Древней Греции в целом, автор настоящей статьи проанализирует имеющиеся сведения и определит степень влияния оракула на общественную жизнь в Милете в эллинистическую эпоху.

Основным источником для исследования стали надписи, которые были обнаружены во время раскопок в Дидимах и Милете. Святилище использовалось в качестве общественного пространства, где выставлялись важные с точки зрения полисной общины документы: почетные декреты в честь граждан, например, декрет в честь Эриния, политика и дипломата, установившего тесные связи с дворами эллинистических царей Эвмена II и Антиоха IV, декреты о возведении статуй царя Антиоха I и его матери Апамы, письма от эллинистических правителей, а также тексты прорицаний по важным для полиса вопросам [11, № 142, 479, 480, 492, 493; 12, S. 215, 216].

К. Навотка отмечает, что в связи с демократической формой правления в Милете публикуется большое количество законов и декретов в это время, а III в. до н. э. можно назвать одним из наиболее репрезентативных с точки зрения эпиграфики [13, pp. 76–80]. Однако сразу отметим, что при проведении той или иной политической инициативы к услугам оракула прибегали далеко не всегда. Существует ряд важных документов, в которых процедура обращения к оракулу

не упоминается в принципе: например, договоры между Милетом и критскими полисами, договор с Киосом, декрет об исополитии с Ольвией и во многих других случаях [14, № 136, 140, 141]. Конечно, многие тексты дошли до современных исследователей лишь во фрагментах, поэтому отсутствие таких указаний можно отчасти списать на сохранность источников. Однако даже существующих на данный момент текстов достаточно для утверждения, что процедура обращения к оракулу в случае принятия политических решений не была универсальной. Поэтому мы сосредоточимся на тех документах, где фиксируется факт обращения к оракулу, и постараемся определить, в каких случаях такая процедура была необходима.

К оракулу в Дидимах могли обращаться по вопросу предоставления гражданства. Об этом свидетельствует декрет о предоставлении гражданства выходцам с Крита [14, № 33 f, g]:

ὁ δῆμος ὁ Μιλησίων ἐρωτᾷ, εἰ αὐτῷ [λ]ῶν[ον] καὶ ἰ ἄμεινον ἔσται κ[α]ὶ νῦν καὶ εἰς τὸν ἔπειτα χρόνον προσλαβόντι πρὸς τὸ πολίτευμα ἄνδρας Δρηρίους καὶ Μιλα[τ]ίους, ὑπὲρ ὧν οἱ ἄνδρες ἤκουσι π[ρ]ὸς τὴν πόλιν, κ[αὶ] με[ταδόν]τι αὐ[τ]οῖς χώρας καὶ τῶν ἄλλων, [ὧ]γ καὶ τοῖς ἄλλοις μ[έ]τεστι Μιλη[σί]οις· θεὸς ἔχρησε· [δέξασθ' ἀσπ]ασίως οἰκῆτορας ἄνδρας ἀρωγούς [ἐς πόλιν ὑμετ]έρην· καὶ γὰρ λῶιον καὶ ἄμεινον[— са. 12—]ς φῶτες θεσμ[οῖσι]ν ἐπῶρ[σαν] [— са. 14–15—]αρες[—] σ[— са. 8—]ιμ[—] πα[— са. 6 —]ν θυς[—] καὶ διδύμων ἐ[—] ὥς ὑμῖν τελέσω[σι —] ὁ δῆμος ὁ Μιλησίων ἐρωτᾷ, εἰ αὐτῷ λῶιον καὶ ἄμεινον ἔσται καὶ [νῦν καὶ εἰς τὸν ἔπειτα χρόνον προσ]λαβόντι πρὸς τὸ πολίτευμα ἄνδρας τοὺς περὶ . —са. 6—] καὶ Φιλάν[ο]ρα καὶ Σω[— са. 9—], ὑπὲρ ὧν οἱ ἄνδρες ἤκουσι|| πρὸς τὴν πόλιν, καὶ με[ταδόν]τι αὐτοῖς χώρας καὶ τῶν ἄλλων, ὧγ καὶ τοῖς ἄλλοις μ[έ]τεστι Μιλησίοις· θεὸς ἔχρησε· | ἄ φρεσίν [ἐ]στε ν[οοῦν]τες —] τιμαῖς δὲ ἐξω[—]

[...Народ милетян спрашивает, будет ли лучше и выгодней ему теперь и в будущем присоединить к гражданству мужей дрерийских и милатийских, ради чего мужи пришли в город; и выделить им землю и другие (вещи), разделенные между остальными милетянами. Бог ответил: Примите к себе радостно поселенцев, мужей полезных в город ваш, потому что полезно и выгодно... свет против законов побудил... Народ милетян спрашивает, будет ли ему полезно и выгодно теперь и в будущем, поскольку они приняли в гражданство мужей, (объединенных) вокруг ... и Филанора и ... ради чего мужи пришли в город, и выделить им землю и другие (вещи), разделенные между остальными милетянами. Бог ответил: То, что в душах задумали вы...]¹.

¹ Здесь и далее переводы греческого текста сделаны автором статьи.

Это один из документов в череде подобных декретов, однако он имеет особое значение. В тексте подразумеваются общины с Крита, которым предоставлялись земельные участки. Большинство исследователей полагают, что они находились в районе Миунта. П. Брюле выдвинул гипотезу, что $\chi\acute{o}\rho\iota\upsilon\omicron\nu$, предоставлявшийся критянам, был не в болотистой долине Меандра, а северо-западнее, в районе бывшего острова Хибанда. По его мнению, это была более выгодная военная позиция, границы которой требовалось охранять [15, pp. 165–170]. Так или иначе это переселение являлось важным, поскольку новые территории присоединились к хоре Милета совсем недавно в ходе борьбы с Магнесией на Меандре, и упомянутые критяне, вероятно, были наемниками, которые должны были обеспечить безопасность этих территорий [16, pp. 60, 61]. Данный документ также сопровождался обширным списком с перечислением всех принятых граждан, в котором указывается порядка 600 имен [14, № 34 a–i]. Интересно, что в тексте упоминаются несколько групп переселенцев: первая из них объединяется вокруг населенных пунктов Дрерос и Милатос, а вторая — вокруг лидеров, одним из которых был Филанор. Издатель надписи А. Рем предположил, что оракулы в отношении обеих групп были получены один за другим, а впоследствии в отношении еще одной группы критян. Начинается он стандартной датировочной формулой, постановлением народа и списком членов совета, затем следует небольшая преамбула, а за ней излагается санкция. В конце санкции излагаются запросы к оракулу и его ответы [14, № 33 a–g].

В данном случае главной задачей оракула было санкционировать это политическое решение. Формально вопрос ставится как антитеза: $\langle \lambda\acute{\omega}\iota\omicron\nu \kappa\alpha\iota \acute{\alpha}\mu\epsilon\iota\omicron\nu\upsilon\varsigma \acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha\iota \dots (\eta \mu\acute{\eta}) \dots \rangle$ [будет лучше и выгоднее (или нет)] [14, № 33 g]. Однако сама структура декрета подсказывает, что целью данного оракула была именно санкция, а все важные условия были изложены до него.

Обращение к богу с подобным вопросом представлено в другом декрете от 223/2 г. до н. э. [14, № 36]:

[—|—] οἱ ἡρημένοι ἐπὶ [τῇ] [φυλακῇ] —]αι Μιλησί. .ς ἐλέσθαι [θεοπρόπο]υς πέντε? ἐξ ἀπάντων τούτους δε παραγε]ν[ομ]ένους εἰς τὸ [ἱερὸν τοῦ Ἀπόλλωνος τοῦ Διδυμέως ἐρωτᾶν τὸν] θεόν. εἰ τῷ δήμῳ [τῷ Μιλησίῳ]ων λῶιον καὶ ἄμεινον ἔσται τοὺς ἄνδρα]ς προσγραψάμενοι πρὸς [τὸ πολίτευμα [—] εἶσθαι. .μο[—|—] δέχεσθαι τοὺς [ἄ]νδρ[ας —|—] ἔργοις τὰ ἄριστα τῷ πλ[ή]θει — са. 8–10 — ἵνα] δὲ ἕκαστα κατὰ τὰ προ]δεδηλωμένα γένηται μ[ετὰ τῆς τῶν θεῶν εὐ]μενείας, θυσίας καὶ] εὐχὰς ποιήσασθαι τῷ Ἀπόλ[λωνι τῷ Διδυ]μεῖ τὸμ προφήτην καὶ] τὸν ταμίαν τὸμ παρεδρε]ύο]ντα [ἐν τῷ ἱερῷ], τοὺς δὲ πρυτάνεις] καὶ τοὺς ἡρημένους ἐπὶ τ[ῇ φ]υλ[ακῇ τῇ] Ἑστίαι τῇ Βουλαίαι πα][ρ]ό[ν]των τῶν ἡρημένων ἐπ[ὶ — са. 30—][— са. 8— ἀ]κολούθως τ[—|—] [— са. 11 —]εἶν. .[—|—]

[...(чтобы) избранные в караул милетяне из всех избрали пяти-рых? послов к оракулу, а они, прибыв в святилище Аполлона Дидимейского, спросили бога, будет ли выгодней и лучше народу милетян вписать мужей (в список) граждан... принять мужей... в делах лучшее для народа?... и чтобы всякое по заранее предвещенному совершалось вместе с благосклонностью богов, жертвы и молитвы пусть совершают Аполлону Дидимейскому пророк и казначей, присутствующий в святилище; а пританы и избранные в караул Гестии Булее...].

К сожалению, в данном случае сам текст оракула не сохранился, но текст запроса восстанавливается с большой долей уверенности: «ἐἰ τοῖς δῆμῳ τοῖς Μιλησίων λαῶιον καὶ ἄμεινον ἔσται τοὺς ἄνδρας προσγραψαμένῳ πρὸς τὸ πολίτευμα». Большинство исследователей полагают: данный документ относится к той же серии, что и предыдущий, предоставляющий гражданство выходцам с Крита [9, pp. 104, 112; 10, p. 232]. Еще один документ такого рода касается руководителя отряда наемников Критона, сына Сирамба [14, № 39]. Он также получает гражданство за оказанные полису услуги, однако надпись сохранилась фрагментарно и обращение к оракулу в ней не упоминается. Возможно, оно было в лакуне, но, скорее всего, в данном случае санкция божества не требовалась, поскольку по декрету гражданство получал всего один человек. Общее число переселенцев с семьями оценивается примерно в 3000–4000 человек [13, p. 92].

Если сопоставить эти тексты с другими декретами о предоставлении гражданства второй половины III — первой половины II в. до н. э., то можно увидеть, что последних сохранилось довольно много, и большинство из них связано с предоставлением прав гражданства в индивидуальном порядке жителям Эфеса, Самоса, Иасоса, Магнесии на Меандре и пр. [14, № 41–46, 49–56]. Важной чертой этих декретов было то, что в тексте не упоминается предварительное обращение к оракулу за консультацией. Можно предположить, что если бы это было необходимым этапом в процедуре предоставления гражданства, то в каждом тексте декрета оракул упоминался хотя бы символически. Таким образом, можно сделать вывод, что в случае с критскими наемниками это была экстраординарная ситуация как из-за количества человек, которым одновременно предоставлялось гражданство, так и политической обстановки (присоединение Миунта и дальнейшая защита этих территорий). Решения такой значимости в отличие от обычных рутинных процедур требовали божественной санкции, которую милетяне получили в Дидимах.

Еще одним памятником, отражающим роль Дидима в политической активности, был договор исополитии («равном гражданстве») между Милетом и Гераклеей на Латмосе [14, № 150]:

ἐπὶ στεφανηφόρου Μεγ[ά]νδρου Ταυρεῶνος,| ἔδοξε τῷ δήμῳ· γνώμη πρυτάνεων καὶ τῶν ἡρημένων ἐπὶ τῇ φυλακῇ | καὶ τῶν ἀποδειχθέντων συνέδρων Μι[νν]ίωνος τοῦ Λεωδάμαντος, Ἀντικράτου | τοῦ Πυθωνύμου, Πρωταγόρου τοῦ Ἡγελόχου, Θεογέ[ν]ου τοῦ Λεωδάμαντος, Μενεκράτου τοῦ Ἀντιφάνου, Ἀρτεμιδώρου τοῦ Δημητρίου, Θεοκυλίδου τοῦ Καλλιτέλου,| Ἀσκληπιოდώρου τοῦ Κυδίου, Πυθίωνος τοῦ Ποσειδωνίου, Εἰρηνίου τοῦ Εἰρηνίου· οἱ πρυτάνεις καὶ οἱ εἰρημένοι ἐπὶ τῇ φυλακῇ καὶ οἱ αἰρεθέντες σύνεδροι Μινγίων Λεωδάμαντος,| Ἀντικράτης Πυθωνύμου, Πρωταγόρας Ἡγελόχου, Θε[ο]γένους Λεωδάμαντος, Μενεκράτης Ἀντιφάνου, Ἀρτεμίδωρος Δημητρίου, Θεοκυλίδης Καλλιτέλου, Ἀσκληπιόδωρος | Κυδίου, Πυθίων Ποσειδωνίου, Εἰρηνίας Εἰρηνίου εἶπαν· vac. ἐπειδὴ Ἡρακλεῶται φίλοι καὶ ἀστυγείτονες τῆς πόλεως <vac> ὑπάρχοντες ψήφισμα καὶ πρεσβευτὰς ἀποστείλαντες ἠξίωσαν | τὸν δῆμον συνθέσθαι πρὸς αὐτοὺς ὑπὲρ τῆς ἰσοπολιτείας καὶ τῶν ἄλλων φιλανθρώπων, καὶ οἱ πεμφθέντες ὑπ' αὐτῶν Θερόδωρος Αἰνέου, Ἀρχέδημος, Δελφίνου, Μαίων Ὑψικλείους ἐπελθόντες ἐπὶ τε τοὺς ἄρχοντας καὶ τὴν βουλὴν καὶ τὴν ἐκκλησίαν | ἐξέθεντο τὰ κατὰ μέρος, ἐφ' οἷς ἠξίουσαν τὴν σύνθεσιν, τοῦ τε δήμου ποιησαμένου τὴν ὑπὲρ τούτων ἀναφορὰν ἐπὶ τὸ μαντεῖον τὸ ἐν Διδύμοις ὁ [θ]εὸς χρησμὸν ἐξήνεκεν ἀποφαινόμενος ἄμεινον ἡμῖν ἔσεσθαι συνθεμένοις πρὸς Ἡρακλεῶτας, vac. δεδόχθαι Μιλησίοις· ὅπως ἕκαστα συντελεσθῇ μετὰ τῆς τῶν θεῶν εὐμενείας συμφερόντως ἀμφοτέραις ταῖς πόλεσιν καθηγουμένης τῆς τοῦ Ἀπόλλωνος συμβουλίας, τὸ μὲν προφήτην μετὰ τοῦ ταμίου τοῦ πα[ρεδ]ρεύοντος ἐν τῷ ἱερῷ θυσίας ποιήσασθαι καὶ προσόδους | ἱερῶν τῷ τε Ἀπόλλωνι τῷ Διδυμεῖ καὶ Ἀρτέμιδι καὶ Λητοῖ καὶ Ἀθηνᾷ καὶ τῷ Διὶ τῷ | Σωτῆρι, ὁμοίως δὲ καὶ τὸν στεφανηφόρον μετὰ τῶν προσεταίρων τῷ Ἀπόλλωνι τῷ Δελφινίῳ, τοὺς δὲ πρυτάνεις καὶ τοὺς ἡρημένους ἐπὶ τῇ φυλακῇ μετὰ τοῦ ἱερέως καὶ τοῦ ἱεροκήρυκος | τῇ Ἑστίᾳ τῇ Βουλαίᾳ ἐπευχόμενους συνενεικεῖν τὰ δεδογμένα τῷ τε δήμῳ τῷ Μιλησίων καὶ | τῷ Ἡρακλεωτῶν...

[В год, когда Стефанефором был Менандр, в месяц Тауреон. Народ постановил решение пританов, выбранных в караул, и назначенных синедров: Минниона, сына Леодаманта, Антикраты, сына Пифонима, Протагора, сына Гегелоха, Феогена, сына Леодаманта, Менекраты, сына Антифана, Артемидора, сына Деметрия, Феокла, сына Каллитела, Асклепиодора, сына Кидима, Пифиона, сына Посейдония, Эйрена, сына Эйрена. Пританы, выбранные в караул и избранные синедры: Миннион, сын Леодаманта, Антикрат, сын Пифонима, Протагор, сын Гегелоха, Феоген, сын Леодаманта, Менекрат, сын Антифана, Артемидор, сын Деметрия, Феоклид, сын Каллитела, Асклепиодор, сын Кидима, Пифион, сын Посейдония, Эйрений, сын Эйрения предложили: так как гераклеоты, друзья и соседи города, приняв декрет и отправив послов, пожелали, чтобы народ (милетян)

условился с ними насчет исополитии и других привилегий, и посланные ими Феодор сын Энея, Архедем, сын Дельфина, Майон, сын Гипсиклея, пришедшие к магистратам, совету и народному собранию, изложили по очереди, для чего желали объединения, и после того как народ из-за этих (вестей) обратился в прорицалище в Дидимах, бог изрек прорицание, объявив, что лучше для нас будет, если заключим договор с гераклеотами. Постановлено милетянами, чтобы всякое совершалось с милостью богов выгодно для обоих городов, при том, что руководствуют советы Аполлона. А профет вместе с ассистирующим ему казначеем в храме совершат жертвоприношения и торжественные шествия с жертвоприношениями Аполлону Дидимейскому, Артемиде, Лето, Афине и Зевсу Сотеру. Подобным образом и стефанефор вместе со спутниками Аполлону Дельфинию (принесет жертвы), и пританы выбранные в караул вместе с жрецом и глашатаем храма Гестии Булайе (принесут жертвы), молясь, чтобы постановленное было выгодно и для народа милетян, и для народа гераклеотов...].

В тексте этого документа сообщено, что гераклеоты прислали послов в Милет с предложением исополитии. Совет и народное собрание перед принятием решения посылают в Дидимы за оракулом относительно данного вопроса, буквально: «τὸν τοῦτων ἀναφορὰν ἐπὶ τὸ μαυτεῖον τὸ ἐν Διδύμοις». К сожалению, текст оракула не сохранился, а декрет содержит лишь сокращенный прозаический пересказ: «ὁ θεὸς χρησμὸν ἐξήνεγκεν ἀποφαίνόμενος ἅμεινον ἡμῖν ἔσσεσθαι συνθεμένους πρὸς Ἡρακλεώτας». В данном случае рассматривается санкция: перед божеством ставится альтернатива поддержать решение города или нет.

В данной ситуации интересно отсутствие факта фиксации прорицания. И если в других случаях можно сослаться на частичную или полную утрату текста оракула, то здесь очевидно, что прорицание не было зафиксировано, несмотря на значимость принимаемого решения. По мнению автора статьи, это отчасти отражает, во-первых, отсутствие четкой устоявшейся практики фиксации подобных текстов в декретах, а во-вторых, отношение полисных властей к тексту: важна в первую очередь именно божественная санкция.

Еще один факт, который отмечает Х.Р. Сомолинос, — это последний оракул, так или иначе касающийся политического вопроса в эллинистическую эпоху [10, pp. 243, 244]. Соответственно возникает вопрос: причина этому плохая сохранность источников или реальная практика редких обращений к оракулу в Дидимах по политическим вопросам? Ведь если рассмотреть текст договора о симполитии («общем гражданстве») между Милетом и Пидасой примерно того же времени, то можно обнаружить, что в нем не упоминается запрос

к оракулу, и полная сохранность текста позволяет сделать вывод, что в данном случае запроса вообще не было [14, № 149]. Обе ситуации во многом похожи, и главным отличием можно считать то, что Гераклея на Латмосе была соперником Милета за территории в долине Меандра, в то время как Пидаса в соответствии с сохранившимся декретом фактически переходила в сферу его влияния [13, pp. 88–90]. Поэтому можно предполагать, что разница в процедуре зависела от формы договора и от разных статусов полисных контрагентов. Установление исполитии с потенциальным региональным противником требовало санкции верховного полисного божества. Однако дать однозначный ответ невозможно из-за недостаточного количества источников.

Естественно, к оракулу обращались в случае разрешения сложных культовых вопросов. Ярчайший пример — это декрет о культе Артемиды Булефоры Скириды [17, № 1225]:

[–] τ[ῆι θεῶι] κ[εχαρι]σμένω[ς ἔ]ξει κα[ὶ τῶι] δήμῳ συμφερό[ν]τως καὶ νῦν καὶ εἰς τὸν ἔπειτα χρόνον συντελοῦν[τ]ι τ[ῶ]ς ἀγέρσεις Ἀρτέμιδι Βουληφόρῳ Σκιρίδι καθότι Σκιρ[ί]δαι ἐξηγούμενοι εἰσφέρουσι ἢ καθότι νῦν γίνεται· ἃ δὲ [ἃ]ν ὁ θεὸς θεσπίσῃ οἱ μὲν θεοπρόποι εἰσαγγεῖλάτωσαν εἰς ἐκκλησίαν, ὁ δὲ δῆμος ἀκούσας βουλευσάσθω, ὅπως πάντα πραχθήσεται ἀκολούθως τῇ τοῦ θεοῦ συμβουλ[ί]α[ι]. θεοπρόποι ἠρέθησαν Φεΐδιππος Ποσειδωνίου, [Α]ὐτομήδης Ἑλπήνορος, Λάμπις Λαμπίτου, Λίχας [Ἑρ]μοφάντου. ὁ δῆμος ὁ Μιλησίων ἐρωτᾷ πότε[ρον] τῇ θεῶι κεχαρισμένον ἔξει καὶ τῶι δήμῳ συμφε[ρ]όντως ἔσται καὶ νῦν καὶ εἰς τὸν ἔπειτα χρόνον [[συ]ντελοῦντι τὰς ἀγέρσεις Ἀρτέμιδι Βουλη[φόρ]ῳ Σκιρίδι καθότι Σκιρίδαι ἐξηγοῦνται ἢ καθό[τι] νῦν γίνεται. ὁ θεὸς ἔχρησε —]

[...Богине будет приятно и народу выгодно теперь и в будущем выплачивать сборы Артемиде Булефоре Скириде таким образом, как руководящие (культом) Скириды вносят (предложение) или как сейчас совершается? А то, что бог будет прорицать, послы к оракулу пусть доложат на народном собрании, а народ услышав, пусть решит так, чтобы все было сделано (в будущем) согласно совету бога. Были взяты послы Федипп, сын Посейдония, Автомед, сын Элепнора, Лампис, сын Ламписа, Лихас, сын Гермофанта. Народ милетян спросил, какой из двух (вариантов) будет богине приятным и народу, выплачивающему сборы ради Артемиды Булефоры Скириды, будет выгодным теперь и в будущем: как предводительствующие Скириды (вносят предложение), или как теперь совершается? Бог дал ответ: ...].

К сожалению, сохранилась только преамбула данного документа, в которой, однако, четко поставлена цель запроса: изменить порядок сбора податей для Артемиды по предложению ассоциации Скиридов или оставить его без изменения. Ф. Соколовский также предположил,

что подразумевается увеличение количества дней на сборы [18, № 47]. Сам текст оракула не сохранился. Однако здесь снова видим простую альтернативу и, вполне вероятно, запрос на санкцию. Так, Сомолинос предполагает, что, скорее всего, бог поддержал Скиридов [10, p. 225]. В данном случае можно отметить, что Аполлон Дидимейский выступает в качестве посредника или «ἐξηγητής» между Богами и людьми, отправляющими культ. Однако как и в архаическую эпоху, религиозные запросы к Аполлону Дидимейскому были популярны, и это не единственное подобное упоминание оракула относительно вопросов культа в III в. до н. э.

Например, сохранилось другое свидетельство о выделении народом средств на жертвоприношения и сборы (τὸν δῆμον εἰς τε τὴν θυσίαν καὶ τὴν ἄγερσιν ὁπόσον ἄμ φαίνεται ἀργύριον ἱκανόν) на, вероятно, новый вводимый культ в первой половине III в. до н. э. Все это проводилось с санкцией оракула благодаря «γενόμενον χρησμόν». Как и во многих других текстах, в декрете не пересказывается текст оракула, а лишь упоминается [17, № 1224; 19, S. 40–41].

Отметим, что подобные свидетельства встречаются в позднеэллинистическую эпоху, когда Милет после Первой Митридатовой войны находился под владычеством Рима. В частности, в одной из надписей профетов указано, что Аполлон был свидетелем «святой души» будущего профета Филодема, сына Памфилия (μάρτυς μὲν ψυχᾶς ὁσίου πέλει αὐτὸς Ἀπόλλων) [11, № 229 II]:

проφήτης. | Φιλόδημος Παμφίλου, δήμο[υ] | Τηχισσέων, πατριᾶς Νειλεῖδῶ[v,] | φρήτρας Πελαγονιδῶν, ἐπὶ στεφانهφόρου αὐτοῦ Φιλοδήμου κα[ι] | ἐπὶ στεφانهφόρου Διαγόρου | μάρτυς μὲν ψυχᾶς ὁσίου πέλει α[ὐ]τὸς Ἀπ[ό]λλων | αὐτοέτεϊς ἱεροὺς θεῖς ἔπι σοὶ στεφάνους. | Μίλατος δ' ἐρατά, Φοίβου κλυτὸν ἐμβασίλευμα, | τάσδε σαοφροσύνας νείματό σοι χάριτας, | ὥς μόνος ἐμ πάτρα στεφانهφόρος ἡδὲ προφή[της] | κληζόμενος λάμπης Οὐρανίδαισιν ἴσα. | ἔστι παρ' ἀθανάτοισι καὶ ἐν θνατοῖς, Φιλόδημε, | τοῖς ἀγαθοῖς ἀγαθὰ μοῖρα φυλασσομένα

[Профет Филодем, сын Памфилия, из дема Техиуссы из рода Нелеидов из Фратрии Пелагонидов в год, когда стефанефором был сам Филодем, и в год, когда стефанефором был Диагор. Свидетель души святой — сам Аполлон, возложивший на тебя в тот же самый год священные венки. А Милет любимый, Феба славное царство, эти милости за благоразумие присудил тебе, чтобы один, слывающий на родине стефанефором и профетом, сиял равно со звездами. Есть у бессмертных и для смертных, о Филодем, хорошая доля, хранимая для хороших (людей)].

«Μάρτυς» с разной долей уверенности исследователи воспринимают как указание на предшествующий оракул. Например, Х.Р. Сомолинос однозначно считает данный фрагмент отсылкой к оракулу,

в то время как Фонтенроуз считает это маловероятным [10, р. 266; 9, р. 240]. Поскольку слова с корнем -μαρτυρ- встречаются в других контекстах с отсылкой к прорицанию, то кажется, что это возможно и в данном случае (например, συνευμεμαρτύρηκεν в почетном декрете с Ясоса в честь Антиоха III и Лаодики III [20, № 237]).

Исходя из того, что срок, в течение которого Филодем занимал должность пророка, выпадает между двумя стефанефоратами, можно реконструировать запрос в упрощенной форме следующим образом: может ли Филодем, сын Памфилия, будучи стефанефором, занимать должность пророка? И здесь наблюдается та же тенденция, что и в некоторых других свидетельствах: важен в первую очередь авторитет божественной санкции, на которую ссылается документ, в результате: строки 9–12 демонстрируют, что город позволил Филодему занимать одновременно должность стефанефора и пророка. Однако сам текст оракула не приводится и, возможно, лишь цитируется. Интересно, что при этом вторая часть эпиграммы записана элегическим дистихом и изобилует поэтической лексикой («ἐρατός», «κλυτός»; «σαοφροσύνη» вместо «σωφροσύνη»; метафора «λάμπης Οὐρανίδαισιν ἴσα»). Но нельзя однозначно заключить, что данный текст содержит отсылки к оригинальному тексту оракула. Скорее всего, поэтическая форма должна была подчеркнуть уникальность случая и значимость фигуры Филодема.

Сохранилась еще одна надпись III в. до н. э., в отношении которой в науке была дискуссия о ее атрибуции: признавать текст оракулом или нет [9, р. 242; 10, р. 516; 11, № 585; 21; 22]. Однако она не будет проанализирована в настоящей работе, поскольку текст слишком фрагментарен и сделать какие-либо серьезные выводы о его содержании на данном этапе невозможно.

Другой текст, сохранившийся целиком, записан гекзаметром, и можно однозначно интерпретировать его как текст оракула. Он относится к II в. до н. э. и был нанесен на алтарь Посейдона Асфалия Сотера, воздвигнутый эпистатом (смотрителем над строительными работами) Андроником, сыном Потамона [11, № 132]:

θεὸς ἔχρησεν· Ἀσφάλειον θυσίαισι Πολεϊδάωνα ἰλάσασθε | τῷδε ἐπὶ
σημείῳ καὶ αἰτεῖσθ' ἴλαον ἰκνεῖσθαι | σώζειν θ' ὑμετέρης κόσμον πόλεως
ἀσάλευτον | ἐκτὸς κινδύνου· μάλα γὰρ πέλας ἔεται ὑμῶν· | ὃν χρὴ καὶ
πεφυλάχθαι ἀρᾶσθαί θ', ὥς μετέπειτα | πρὸς γῆρας βαίνητε κακῶν
ἀδαήμονες ὄντες· | τεταμιευκὼς δὲ καὶ ἐν τῷ ἱερῷ | Ἀνδρόνικος υἱ.
Ποτάμωνος | ἐπιστατῶν τῆς οἰκοδομίας | τοῦ ναοῦ τοῦ Ἀπόλλωνος τοῦ |
Διδυμέως κατὰ τὴν ὑπόσχεσιν | δωρεὰν ἐφ' ἑτὶ δέκα, | Ἀσφαλέῳ Σωτῆρι
Ποσιδάωνι μεγίστῳ | ἱερὰ καλὰ ἱερῶν ταυροθύτοις θυσίαις. | οὗ ἕνεκεν
Ποτάμωνος ὁ φύς ῥίζης ἀπ' ἐκεῖν[ης] | βωμὸν λαΐνειον τόνδε ἀνέθηκε
θεῷ

[Бог пророчествовал: под этим знаменем (эпитетом?) Асфалия Посейдона жертвоприношениями умиловьте и попросите, чтобы благосклонный пришел, и чтобы непоколебимый спас порядок вашего города от опасности, потому что (она) подходит очень близко к вам. Должно, чтобы вы берегли себя и молились, так как затем до старости вы доживете, не знаящие плохого. А казначеем был в святилище Андроник, сын Потамона, эпистат над строительством храма Аполлона Дидимейского по обещанию в дар Асфалею Сотеру Посейдону величайшему принес прекрасные жертвы быков на десятый год. В связи с этим происходящий из рода Потамона посвятил богу этот каменный алтарь].

Текст можно разделить на три части: сам оракул (строки 1–7), прозаическая часть посвящения (строки 8–13), посвящение, записанное элегическим дистихом (строки 14–17). Обстоятельства, побудившие к сооружению этого алтаря и вообще к обращению к оракулу, по мнению большинства исследователей, были связаны с каким-то природным катаклизмом: либо землетрясением, либо наводнением, вызванным выходом из русла реки Меандр. Л. Робер утверждал, что в данном случае вероятнее первый вариант, поскольку используемый эпитет Посейдона «ἀσφάλειος» свидетельствует о том, что данный бог несет «стабильность», «устойчивость», «постоянство». Дж. Фонтенроуз предположил, что альтернативой подобной версии может быть стандартный оракул о благополучии города (κόσμον πόλεως). Однако Х. Ойстерхельд резонно заметил, что для Малой Азии проблема землетрясений не считалась необычной. Также важен подбор слов, которые использует божество: «ἰλάσκεσθαι», т. е. буквально «примирять», «задабривать», в отношении Посейдона недвусмысленно указывает на те обстоятельства, в которых оказался Милет. А. Рем полагал, что «μᾶλα γὰρ πέλας ἵεται ὑμῶν» — это аллюзия на наводнение. И, соответственно, Посейдон его олицетворяет: разгневанный, он может принести разрушения городу и святилищу, а умиловленный, наоборот, мир и порядок [7, pp. 570, 571; 9, pp. 190, 191; 10, p. 258; 23, S. 233–235, 245–247].

Никакого запроса в тексте не сформулировано, но, исходя из этого факта, его можно реконструировать таким образом: кого из божеств следует почтить, кому поставить алтарь, чтобы преодолеть последствия разрушения и избежать подобного в будущем? Такая двойственность вопроса следует из самого ответа: бог утверждает, что Посейдон спасет порядок в городе (σώζειν θ' ὑμετέρης κόσμον πόλεως) и позволит гражданам дожить до старости, не зная бед (πρὸς γῆρας βαίνητε καὶ ὡς ἀδαήμενες ὄντες). Учитывая общепризнанную в греческом мире связь Посейдона и всевозможных природных катаклизмов, можно предположить, что вопрос ставился о том, под какой

эпиклезой стоит возвести алтарь для этого бога? Однако почитание Посейдона в этот период практически не зафиксировано, поэтому в любом случае подразумевается основание культа новому божеству в рамках Дидимейского святилища [23, S. 239–245].

Следует отметить, что бог обращается к вопрошающим во множественном числе: «ἰλάσασθε», «βαίνετε». Скорее всего это означает, что вопрошающим был не сам Андроник, а община Милета, либо что оракул, обращаясь к нему, подразумевает также его семью или всех, принимающих участие в строительстве. Кроме того, бог мог обращаться к Андронику как к представителю всей общины, поскольку он занимает значимый государственный пост [9, p. 191; 23, S. 238, 239]. Однако для Андроника данный запрос еще имел большое личное значение, поскольку сильные разрушения, вызванные землетрясением, могли положить конец всем его трудам на посту смотрителя за строительными работами.

Может возникнуть вопрос, исходя из упоминания о десятом годе, когда были совершены жертвоприношения: алтарь был воздвигнут спустя десять лет после оракула или сразу после прорицания? Х. Ойстерхельд разумно замечает, что в подобной критической ситуации откладывать предписания бога было неразумно. Андроник с подачи полиса устанавливает алтарь сразу и затем совершает на нем жертвоприношения, а чтобы увековечить на нем не только слова Аполлона, но и свое участие в этом процессе и благодеяния на службе в Дидимах, он указывает те магистратуры, которые он занимал при храме (не только должность эпистата, но и казначея) [23, s. 236–238].

Таким образом, это снова запрос относительно культа, однако в данном случае обстоятельства диктуются не полисными интересами, а «природной необходимостью». Учитывая малую популярность Посейдона в Дидимах, можно предположить, что не будь этого катаклизма, данный культ здесь мог бы не возникнуть. Позднее Посейдон даже входит в круг богов «Сотеров» [23, s. 247–250]. Данная эпиклеза часто использовалась для обозначения практически всего круга Дидимейских божеств. Этот факт свидетельствует о том, что Посейдон занял значимое место среди них. Подобный алтарь с посвящением «по прорицанию» был возведен в Милете в конце II — III в. н. э.: Ποσειδῶνος Ἀσφαλίου κατὰ | χρησμόν [17, № 1294]. Это отражает как рост значимости культа, так и регулярность подобных обращений в случае природных катаклизмов.

Важными можно считать упоминания оракулов в строительных надписях примерно того же времени [11, № 46, 47]: ψήφισμα ὑπὸ τῶν ἀρχόντων καὶ τοῦ δήμου πρὸς τὸν ἐγδεδομένον χρησμὸν περὶ τῆς οἰκοδομίας τοῦ ναοῦ [(по записанному) архонтами и народом постановлению согласно с выданными предсказаниями о строительстве храма].

Во-первых, можно отметить, что это довольно редкая ситуация, поскольку до данного периода упоминания об оракулах в строительных надписях не было. Во-вторых, среди исследователей нет единого мнения о количестве самих предсказаний. Например, Дж. Фонтенроуз считает, что во всех случаях подразумевается один и тот же оракул, на который ссылаются в близких по времени нескольких отчетах о строительстве, в то время как Х.Р. Сомолинос настаивает на том, что каждый раз это были разные оракулы [9, р. 189; 10, р. 262]. И сам запрос к божеству не может быть определен однозначно. Б. Осулье полагает, что к концу II в. до н. э. из-за финансовых проблем строительные работы стали все более затруднительными и постепенно замедлялись, поэтому милетяне обратились к самому Аполлону, чтобы найти у него поддержку в этом деле [24, р. 226]. Однако Х.Р. Сомолинос выдвинул гипотезу о том, что запрос касался необходимых качеств эпистата и его кандидатуры [10, р. 264]. Эта гипотеза косвенно подтверждается тем, что в римское время Аполлон Дидимейский также пророчествовал о том, кого нужно поставить главой над строительством театра [25, № 935]. Однако данная гипотеза не вписывается в существовавшую на тот момент традицию: в нескольких десятках пусть и не всегда целиком сохранившихся надписей нет указаний на совет Аполлона относительно назначения эпистата. Соответственно, город на протяжении почти двух столетий справлялся с этой задачей без предварительного обращения к оракулу, и такое изменение процедуры должно было иметь под собой весомые основания.

Интересную гипотезу выдвинул А. Рем. Он связывает по времени три строительные надписи с одним фрагментом о предоставлении гражданства и списком вотивов святилища этого периода [14, № 182; 11, № 474]. Данный список был одним из самых пространных за этот период, и в нем упоминаются вотивы из 12 других городов, чего никогда не встречалось ранее. Рем связывает такое обилие посвящений со столетним юбилеем игр Дидимей, главного религиозного праздника в полисе, который имел общеэллинский статус [11, s. 65, 66]. Активизация строительства, видимо, была связана с подготовкой к этим играм, а целью запроса — санкция со стороны бога. Слабое место данной гипотезы, которое признает сам Рем, заключается в том, что одна из надписей может хронологически сильно отстоять от двух других в этой группе, поскольку она не датируется по списку стефанефоров, а сам отчет начинается не с обычного «ἀπολογισμός», а с «λόγος», что свидетельствует об изменении традиции наименования или составления подобных документов [11, № 26, 46, 47]. Соответственно восстановления в надписи № 46 на основании текста надписи № 47 будут не столь очевидны. Подводя итог вышеизложенному, можно уверенно утверждать, что данный оракул был также связан с какой-либо экстраординарной ситуацией, с которой столкнулся

полис и которая требовала божественной санкции. Однозначно реконструировать запрос представляется затруднительным, но здесь можно отметить отсутствие самого текста и наличие лишь ссылки на божественный авторитет.

Милетяне обращались к своему покровителю Аполлону Дидимейскому по ряду вопросов, начиная от популярных в эпоху архаики культовых вопросов и заканчивая принятием важных политических решений и выбором кандидатов на значимые магистратуры. Однако очевиден тот факт, что в большинстве случаев текст оракула был санкцией. Безусловно, бог мог чисто теоретически отвергнуть предложенную инициативу, но, возможно, запрос изначально формулировался таким образом, чтобы жрецы святилища и сам Аполлон почувствовали, какой исход считается благоприятным. Влияние оракула было ощутимее в ситуациях, либо когда милетяне были вынуждены выбирать из двух равных возможностей, либо когда они сталкивались с чем-то непредвиденным, как, например, стихийное бедствие. При этом оракул вовлекали в демократические процедуры в исключительных обстоятельствах. Может ли это быть связано с качеством представленной выборки? Все анализируемые в статье тексты были вырезаны на камне, что свидетельствует об их значимости, а производство таких надписей требовало финансовых затрат от полиса. Нельзя исключать, что сначала большинство оракулов фиксировалось на дощечках или папирусе, из-за чего они не сохранились до настоящего времени. Но значимые политические тексты обязательно должны были фиксироваться на камне. Поэтому такая выборка, по мнению автора настоящей статьи, репрезентативна. В соответствии с эпиграфическим материалом из святилища в Додоне на данный момент количество найденных свинцовых пластин с запросами к оракулу и текстами предсказаний превышает 4000. При этом запросы, которые можно охарактеризовать как политические, составляют лишь около 2 % от этого числа [6, pp. 74–78]. Остальные тексты условно относятся к религиозной и бытовой (социально-экономической) сфере. Это сопоставление подкрепляет сделанные выводы: в эллинистическом Милете влияние оракула на стандартные демократические процедуры было незначительным. К оракулу в Дидимах обращались в первую очередь в экстраординарных ситуациях, когда полисная община нуждалась в божественной санкции при принятии решений, например, во время природного катаклизма или в сложной политической ситуации. Чаще всего к оракулу обращались в контексте решения религиозных вопросов. Однако роль оракула в политической жизни не умаляет статуса самого святилища и влияния его жрецов. Дидимы были одним из главных святилищ полиса, а его жрецы относились к городской элите, что наиболее ярко прослеживается на материалах римского времени.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Nilsson M.P. *Greek Popular Religion*. New York, Columbia University Press, 1940, 166 p.
- [2] Nilsson M.P. *Cult, Myths, Oracles and Politics in Ancient Greece*. New York, Cooper Square Publishers, 1972, 177 p.
- [3] Finley M.I. *Politics in the Ancient World*. Cambridge, Cambridge University Press, 1983, 152 p.
- [4] Bowden H. *Classical Athens and the Delphic oracle: divination and democracy*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005, 188 p.
- [5] Agoratsios E. *Politics and Oracles: A Study of the Athenian political relations with the Delphic Oracle in the archaic period c.632/1-505/4 B.C*. London, Lambert Academic Publ., 2010, 140 p.
- [6] Bonnechere P. Oracles and politics in ancient Greece: in regard to the new lamellae of Dodona: a needed palinody. *Dodona. The omen's questions. New approaches in the oracular tablets*. Ioannina, Eforeia Archaion Ioanninon, 2018, pp. 67–78.
- [7] Robert L. Trois oracles de la Théosophie et un prophète d'Apollon. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 1968, no. 112, pp. 568–599.
- [8] Robinson T. *Theological oracles and the sanctuaries of Claros and Didyma*. Ph.D. Dissertation. Cambridge Massachusetts, 1981, 932 p.
- [9] Fontenrose J. *Didyma: Apollo's Oracle, Cult and Companions*. Berkley, University of California Press, 1988, 282 p.
- [10] Somolinos J.R. *Los oráculos de Claros y Didima. Edición y comentario*. Ph.D. Dissertation. Madrid, 1991, 739 p.
- [11] Rehm A. *Theodor Wiegand. Didyma. Zweiter Teil. Die Inschriften*. Herausgegeben von Richard Harder. Berlin, Gebr. Mann, 1958, 391 S.
- [12] Günther W. *Inschriften von Milet. Teil 4: Eine Prosopographie. (Milet VI. 4.)*. Berlin, Boston, De Gruyter, 2017, 676 S.
- [13] Nawotka K. *The Nourisher of Apollo. Miletos from Xerxes to Diocletian*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2023, 294 S.
- [14] Kaverau G., Rehm A. *Theodor Wiegand. Milet: Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899. Das Delphinion in Milet*. Berlin, Georg Reimer, 1914, 442 S.
- [15] Brulé P. *La piraterie crétoise hellénistique*. Paris, Les Belles Lettres, 1978, 190 p.
- [16] Parke H.W. *The Oracles of Apollo in Asia Minor*. London, Sydney, Dover, Croom Helm, 1985, 288 p.
- [17] Herrmann P., Günther W., Ehrhardt N., Feissel D., Weiss P. *Inschriften von Milet. Teil. 3*. Berlin, New York, De Gruyter, 2006, 337 S.
- [18] Sokolowski F. *Lois sacrées de l'Asie Mineure*. Paris, E. de Boccard, 1955, 211 p.
- [19] Müller H. *Milesische Volksbeschlüsse. Eine Untersuchung zur Verfassungsgeschichte der Stadt Milet in hellenistischer Zeit*. Göttingen, Vandenhoeck & Rupprecht, 1976, 96 S.
- [20] Dittenberger W. *Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Vol. I*. Leipzig, S. Hirzel, 1903, 558 S.
- [21] Robert L. Les inscriptions de Didymes. *Gnomon*, 1959, no. 31, pp. 657–674.
- [22] Peek W. Th. Wiegand, Didyma 2 Teil. Die Inschrift. Bearb. Von A. Rehm Hrgs. von R. Hardner. *Helikon*, 1964, no. 4, pp. 564–565.
- [23] Oesterheld C. *Göttliche Botschaften für zweifelnde Menschen: Pragmatik und Orientierungsleistung der Apollon-Orakel von Klaros und Didyma in hellenistisch-römischer Zeit*. Göttingen, Vandenhoeck & Rupprecht, 2008, 670 S.

- [24] Haussoullier B. Inscriptions de Didymes comptes de la construction du Didymeion. *Revue de philologie de littérature et d'histoire anciennes*, 1919, no. 43, pp. 175–226.
- [25] Herrmann P. *Inscriptionen von Milet. Teil. 2*. Berlin, New York, De Gruyter, 1998, 166 p.

Статья поступила в редакцию 15.12.2025

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Меркин Д.Б. Роль Дидимейского оракула в общественной жизни Милета в эллинистическое время. *Гуманитарный вестник*, 2025, вып. 6. EDN LXEIAU

Меркин Дмитрий Борисович — младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. e-mail: dimamerkin@mail.ru

Role of Didymaeian Oracle in the Public Life of Miletus in Hellenistic Times

© D.B. Merkin

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119334, Russia

Material from Miletus was examined in the context of a problem that has long been a subject of scholarly debate, namely the influence of oracles on the social and, in particular, political life of the Greek poleis. It is noted that in most cases the analysis of this problem has focused primarily on the evidence of ancient authors; however, in recent years a trend has emerged toward the increasing use of epigraphic data in the study of this issue. The article analyzes inscriptions from Miletus and Didyma dating to the Hellenistic era, which contain texts of oracles or references to them. The corpus of Milesian and Didymaeian inscriptions is sufficiently representative to outline a general vision for this city. In the research among other texts such oracles are examined as related to the granting of citizenship to Cretan mercenaries, the conclusion of an isopoliteia treaty between Miletus and Heraclea on Latmos, the transformation of the cult of Artemis Boulephoros Skiris, the erection of an altar dedicated to Poseidon Soter. The analysis of the surviving inscriptions leads to the conclusion that in Miletus, the practice of consulting an oracle was not a standard procedure in domestic politics and was used only in extraordinary conditions, whether due to acute political necessity or a natural disaster. The trend observed in Miletus is generally in accordance with the statistics of oracle consultations from Dodona, for example. Inscriptions from Miletus and Didyma dating to the Hellenistic period, which record oracle texts or references to them, were examined. The naturally formed corpus of Milesian and Didymaeian inscriptions is shown to be sufficiently representative to outline the general picture for this polis. Oracles concerning the granting of citizenship to Cretan mercenaries, the conclusion of an isopoliteia treaty between Miletus and Heraclea on Latmos, changes in the cult of Artemis Boulephoros Skiris, the construction of an altar to Poseidon Soter, and a number of other texts were analyzed. It has been concluded that in Miletus the practice of consulting an oracle was not a standard procedure in internal politics and was employed exclusively in extraordinary situations, whether in cases of acute political necessity or natural catastrophe. It has been noted that the trend observed in Miletus is generally consistent with the available statistical data on oracle consultations, for instance, at the sanctuary of Dodona.

Keywords: *oracle, Didyma, Miletus, Apollo, Dodona, Greek religion, ancient democracy*

REFERENCES

- [1] Nilsson M.P. *Greek Popular Religion*. New York, Columbia University Press, 1940, 166 p.
- [2] Nilsson M.P. *Cult, Myths, Oracles and Politics in Ancient Greece*. New York, Cooper Square Publishers, 1972, 177 p.
- [3] Finley M.I. *Politics in the Ancient World*. Cambridge, Cambridge University Press, 1983, 152 p.
- [4] Bowden H. *Classical Athens and the Delphic oracle: divination and democracy*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005, 188 p.

- [5] Agoratsios E. *Politics and Oracles: A Study of the Athenian political relations with the Delphic Oracle in the archaic period c.632/1-505/4 B.C.* London, Lambert Academic Publ., 2010, 140 p.
- [6] Bonnechere P. Oracles and politics in ancient Greece: in regard to the new lamellae of Dodona: a needed palinody. *Dodona. The omen's questions. New approaches in the oracular tablets.* Ioannina, Eforeia Archaïotiton Ioanninon, 2018, pp. 67–78.
- [7] Robert L. Trois oracles de la Théosophie et un prophète d'Apollon. *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 1968, no. 112, pp. 568–599.
- [8] Robinson T. *Theological oracles and the sanctuaries of Claros and Didyma. Ph.D. Dissertation.* Cambridge Massachusetts, 1981, 932 p.
- [9] Fontenrose J. *Didyma: Apollo's Oracle, Cult and Companions.* Berkley, University of California Press, 1988, 282 p.
- [10] Somolinos J.R. *Los oráculos de Claros y Didima. Edición y comentario. Ph.D. Dissertation.* Madrid, 1991, 739 p.
- [11] Rehm A. *Theodor Wiegand. Didyma. Zweiter Teil. Die Inschriften. Herausgegeben von Richard Harder.* Berlin, Gebr. Mann, 1958, 391 S.
- [12] Günther W. *Inschriften von Milet. Teil 4: Eine Prosopographie. (Milet VI. 4.).* Berlin, Boston, De Gruyter, 2017, 676 S.
- [13] Nawotka K. *The Nourisher of Apollo. Miletos from Xerxes to Diocletian.* Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2023, 294 S.
- [14] Kaverau G., Rehm A. *Theodor Wiegand. Milet: Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899. Das Delphinion in Milet.* Berlin, Georg Reimer, 1914, 442 S.
- [15] Brulé P. *La piraterie crétoise hellénistique.* Paris, Les Belles Lettres, 1978, 190 p.
- [16] Parke H.W. *The Oracles of Apollo in Asia Minor.* London, Sydney, Dover, Croom Helm, 1985, 288 p.
- [17] Herrmann P., Günther W., Ehrhardt N., Feissel D., Weiss P. *Inschriften von Milet. Teil. 3.* Berlin, New York, De Gruyter, 2006, 337 S.
- [18] Sokolowski F. *Lois sacrées de l'Asie Mineure.* Paris, E. de Boccard, 1955, 211 p.
- [19] Müller H. *Milesische Volksbeschlüsse. Eine Untersuchung zur Verfassungsgeschichte der Stadt Milet in hellenistischer Zeit.* Göttingen, Vandenhoeck & Rupprecht, 1976, 96 S.
- [20] Dittenberger W. *Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Bd. 1.* Leipzig, S. Hirzel, 1903, 558 S.
- [21] Robert L. Les inscriptions de Didymes. *Gnomon*, 1959, no. 31, pp. 657–674.
- [22] Peek W.Th. Wiegand, Didyma 2 Teil. Die Inschrift. Bearb. Von A. Rehm Hrsg. von R. Hardner. *Helikon*, 1964, no. 4, pp. 564–565.
- [23] Oesterheld C. *Göttliche Botschaften für zweifelnde Menschen: Pragmatik und Orientierungsleistung der Apollon-Orakel von Klaros und Didyma in hellenistisch-römischer Zeit.* Göttingen, Vandenhoeck & Rupprecht, 2008, 670 S.
- [24] Haussoullier B. Inscriptions de Didymes comptes de la construction du Didymeion. *Revue de philologie de littérature et d'histoire anciennes*, 1919, no. 43, pp. 175–226.
- [25] Herrmann P. *Inschriften von Milet. Teil. 2.* Berlin, New York, De Gruyter, 1998, 166 S.

Merkin D.B., Junior Researcher at the Institute of world history, Russian Academy of Sciences. e-mail: dimamerkin@mail.ru